

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л59

Серия «Мини-Очарование: Лучшее»

Johanna Lindsey
SURRENDER MY LOVE

Перевод с английского *Т.А. Перцевой*
Компьютерный дизайн *Э.Э. Кунтыш*

Печатается с разрешения Avon, an imprint of HarperCollins Publishers,
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Линдсей, Джоанна.

Л59 Подари мне любовь : [роман] / Джоанна Линдсей ; [перевод с английского Т.А. Перцевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 320 с. — (Мини-Очарование: Лучшее).

ISBN 978-5-17-118330-1

Жизнь мужественного викинга Селига, оказавшегося в плену, полностью зависела от прекрасной и гордой Эрики. Девушка могла отдать один-единственный приказ — и пленник бы погиб. Но вместо этого красавица подарила Селигу свое сердце. Да и он, звавший о женщинах и любви, казалось бы, все, буквально потерял голову от страсти и думал не о спасении, не о мщении, а лишь об одном: Эрика должна принадлежать ему навеки...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Johanna Lindsey, 1994
© Перевод. Т.А. Перцева, 2017
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-118330-1

*И пусть Селига хотели
заполучить так много женщин,
эта книга для тебя.*

Глава 1

Уэссекс, 879 год

Он появился в длинном зале Уиндхерста, и все находившиеся там женщины мгновенно бросили работу, чтобы проводить его глазами. И в этом не было ничего необычного. Такое случалось всякий раз, когда он оказывался среди женщин. Они ничего не могли поделать с собой: этот мужчина мгновенно привлекал внимание и взоры прекрасного пола, и не важно, что он был викингом, а они — саксами. Не имело значения и то, что встреча отпрысков двух великих народов лишь в редких случаях не кончалась жестоким кровопролитием. Не далее как в прошлом году саксы встретились на поле битвы с датскими викингами на севере страны.

И отнюдь не страх приковывал женщин к месту, хотя в бою этот викинг мог быть поистине устрашающим и славился воинским искусством. И не благоговейное восхищение его неимоверно огромным ростом, превосходившим даже рост их повелителя, лорда Ройса, чрезвычайно высокого и широкоплечего человека. Разгадка была совсем простой: никто в жизни не видел мужчины красивее Селига Хаардрада. Северные боги наградили его не только мускулистым стройным телом, но и лицом, сравнимым только с ликами христианских ангелов: глазами, которые могли то темнеть, словно летнее грозовое небо, то переливаться полированным серебром, чуть выступающими высокими скулами, носом идеальной фор-

мы, слегка изогнутыми бровями, столь же смолисто-черными, как и длинные роскошные волосы. А губы... губы его были такие чувственно-капризные, что любая женщина отдала бы все на свете, лишь бы изведать их вкус.

Казалось, обитательницы Уиндхерста должны были бы привыкнуть к его внешности за шесть лет, прошедших со дня его первого появления здесь, когда он пришел грабить их землю вместе с другими викингами с севера и едва не поплатился за это жизнью. Но ничего не изменилось, и тайных и явных поклонниц у Селига по-прежнему было хоть отбавляй. И ни одна не осталась равнодушной при виде викинга. Даже старая Эда, кухарка, хлопотавшая у очага в конце зала, отреагировала на его появление, не говоря уже о юной Меган, сидевшей за шитьем вместе с дамами в передней части зала перед открытыми окнами. Ей еще не исполнилось и четырнадцати лет, и она, мечтательно вздыхая, втайне жалела, что этот красавец викинг вдвое старше ее. И хотя уже вполне созрела для замужества — в брак вступали и раньше, если необходимость в этом была достаточно велика, — но Ройс, ее брат, и слышать об этом не желал. Кроме того, он уже породнился с Селигом через жену, не говоря уже о том, что слишком любил Меган и не собирался пока расставаться с сестрой, а та, со своей стороны, была счастлива подольше пожить дома с любимым братом.

За одним из столов, расставленных вокруг бочонка с элем, где так любили собираться мужчины, сидела Кристен, сестра Селига, наблюдая за приближавшимся братом. Обычно она не замечала впечатления, производимого Селигом на женщин, но сегодня не могла не обратить внимания на тишину, воцарившуюся при его появлении. Мало того, Кристен заметила улыбку, которой брат в свою очередь одаривал некоторых женщин. А как лукаво он подмигивал тем, с кем успел слишком

4   близко познакомиться! По мнению сестры, таких было более чем достаточно.

Муж Кристен, Ройс, сидевший рядом, вздохнул и с притворным ужасом закатил глаза к небу.

— Ему следовало жениться и положить конец их страданиям, — вполголоса заметил он.

— Каким еще страданиям?! — презрительно фыркнула Кристен. — Он не пропускает ни одной юбки и просто из кожи вон лезет, чтобы получать в ответ восторженные вздохи и признания! Настоящие мучения начнутся, когда он женится! И к чему столько хлопот, если женщины в обеих странах, не говоря уже о всех торговых городах, в которых Селигу доводится бывать, сами бросаются ему на шею?

— Так и в Норвегии творится то же самое?

— Всегда, — пожала плечами Кристен.

Ройс хмыкнул, отлично сознавая, что жену нимало не тревожат бесчисленные победы Селига как на родине, так и в ее собственном зале. Брат и сестра были слишком близки, чтобы Кристен могла сердиться на подобные шалости. Когда шесть лет назад, во время набега на земли Ройса, Селиг был так тяжело ранен, что его посчитали мертвым, Кристен поклялась отомстить его предполагаемому убийце — кузену Ройса Олдену.

Ройс не очень любил вспоминать об этом. Подумать только, он едва не приказал тогда казнить всех пленников и чуть не потерял свою единственную и истинную любовь. Среди захваченных викингов была и его будущая жена. Ее друзья помогли девушке переодеться в мужской костюм, так что ее приняли за мальчишку.

И план бы удался, поскольку Кристен была почти такого же роста, как и ее товарищи по несчастью, и даже выше многих саксов. Но викинги забыли о том, что им следовало обращаться с Кристен как с женщиной и продолжали защищать ее, стараясь уберечь от тягот плена. Правда вышла наружу в тот день, когда Ройс приказал высечь девушку.

После того случая Ройс разлучил Кристен с друзьями и поселил в зале. Тогда он считал ее шлю-

хой, не пытаясь понять истинную причину, заставившую Кристен укрыться на корабле брата, решившего отправиться в набег. И девушка не стала оправдываться. Она позволила ему так думать и даже забавлялась этим, завлекая его дерзкой чувственностью, какой Ройс никогда не встречал в женщине. Не будь этого, Ройс устоял бы перед ее чарами, смог бы воспротивиться искушению, потому что страстно ненавидел викингов.

Вот уже пятнадцать лет он сражался с ними. Одиннадцать лет назад ненависть вспыхнула с новой силой, когда он, пригвожденный к стене и терзаясь в страшных муках, был вынужден наблюдать, как датские викинги расправились с отцом и единственным братом, а потом изнасиловали и убили его нареченную. Ройса оставили умирать, на поживу волкам и стервятникам, и он наверняка погиб бы, если бы враги не отправились разорять монастырь Джарро и оставшиеся в живых слуги не позаботились о раненом хозяине.

Естественно, поэтому у Ройса были причины ненавидеть всех викингов. Однако, влюбившись в норвежку, он даже смирился с частыми приездами ее многочисленных родственников. Время от времени они приплывали на галерах к побережью Уэссекса и появлялись в поместье Ройса, но самым частым гостем был Селиг, а три из последних шести лет он просто жил у них.

В первый год их семейной жизни Селиг вообще не уезжал, желая убедиться, что Кристен в ее новом доме оказываются подобающие хозяйке почести. Он пробыл с ними всю зиму, а на следующее лето вернулся в Норвегию вместе с родителями, приехавшими погостить. И хотя Бренна и Гаррик навещали дочь не каждый год, Селиг, прихватив с собой одного или двух младших братьев, не упускал возможности повидаться с сестрой.

Пятилетний Алфред, сидевший за другим столом и делавший вид, что точит деревянный меч, подражая оруженосцу, возившемуся со стальным клинком,

наконец заметил появление дяди и бросился ему навстречу. Селиг со смехом подхватил малыша и подбросил в воздух на добрых шесть футов, так что тот едва не ударился головой о потолок. Кристен со стоном закрыла глаза, но восторженный визг сына явно говорил о том, что приключение окончилось благополучно. Осторожно приподняв веки, она увидела, что Алфред восседает на широком плече Селига, шагающего к столам.

Трехлетняя Тора, устроившаяся на коленях матери, протянула дяде ручонки, не желая оставаться в стороне, — девочке явно хотелось испытать такой же головокружительный полет. Селиг был более чем счастлив угодить племяннице, но Кристен довольно сильно шлепнула его по протянутым рукам.

— Ни за что, если тебе дорога жизнь! — прошипела она.

Селиг только рассмеялся и, отведя руки сестры, подхватил девочку. Однако он не подбросил ее в воздух, а вместо этого чмокнул малышку в мягкую щечку так громко, что звук разнесся по всему залу, заглушая хохот ребенка.

Не выпуская Тору, Селиг уселся на скамью напротив родителей девочки, выглядевшей крохотной, как кукла, на широкой мужской груди. Кристен не могла долго сердиться на брата, зная, как тот любит эту малышку, так похожую на него.

Старший сын был назван в честь короля: об этом позаботился Ройс, дочь же носила имя Тора*, бога викингов, — так, к неудовольствию мужа, пожелала Кристен. Однако ни один из детей не унаследовал светлых волос и голубых глаз матери. У Алфреда были отцовские темно-каштановые волосы и зеленые глаза, а маленькая Тора, как и Селиг, была копией Бренны — те же волосы цвета воронова крыла, серые глаза, и оба, как и она, больше походили на кельтов, чем на норвежцев или саксов.

---

* Тор — в скандинавской мифологии бог грома, бури и плодородия. — *Здесь и далее примеч. ред.*

— Все закончено, — первое, что объявил Селиг, довольной улыбаясь.

Кристен и Ройс не нуждались в объяснениях. Два года назад Селиг решил осесть здесь, в Уэссексе. И хотя он считался наследником отца, но Гаррик был далеко не стар, и пройдет немало времени, прежде чем дом и земли перейдут Селигу. Поэтому он хотел иметь собственные владения и уже начал строить дом на землях, проданных ему Ройсом. Здание должны были закончить в прошлом году, но датчане снова затеяли войну с саксами, и Селиг удивил всех, кроме Кристен, знавшей, как брат любил хорошую драку, отправившись на поле битвы вместе с зятем.

Селиг опять получил тяжелую рану и много времени пролежал без сознания, так что не смог участвовать в последнем, решительном сражении. Ирония заключалась в том, как часто любил повторять Селиг, что спасли его именно датчане: оттащили из-под копыт коней и перевязали рану, приняв за одного из своих, поскольку он совершенно ничем не напоминал сакса. И так как Селиг говорил на всех языках северных народов, включая и датский, враги так и не узнали, как ошиблись, и Селиг смог добраться до своих еще до конца битвы. Но дому пришлось подождать, пока не кончится война, и Кристен знала, как раздражен Селиг очередной задержкой, вызванной на этот раз зимними холодами: ведь брату пришлось провести эти долгие месяцы в доме сестры и зятя.

Весной строительство вновь возобновилось, однако шло медленно: приходилось засеивать поля, которых теперь и у Селига было немало. Ройс одолжил ему своего каменщика Лимана и всех крепостных, кого мог. Селиг и сам купил с полдюжины рабов в северных торговых городах, на обратном пути в Уэссекс, еще до того, как рассказал Кристен о своих планах. Из уважения к Ройсу

8 он старался не приобретать саксов и привез только мужчин для постройки дома и полевых работ. Не-

сколько человек ему отдал и отец, благословив тем самым на новую жизнь. Гаррик был даже доволен, что Селиг решил обосноваться рядом с Кристен и охранять сестру: он был не слишком высокого мнения о зяте, чтобы полностью доверить ему безопасность и счастье дочери.

— Когда пригласишь нас на празднество? — лукаво осведомилась она.

— Не раньше, чем Ивар привезет кухарку, которая сумеет приготовить все для пира, — рассмеялся Селиг.

Ивар был его ближайшим другом, который тоже попал в плен вместе с Кристен и остальными. Тем летом всех заковали в цепи и заставили трудиться, как рабов, пока отец и дядя Кристен не приплыли, чтобы освободить их. Теперь у друзей вошло в обычай, что Ивар каждое лето на корабле Селига отправлялся к северу и вел торговлю, пока тот навещал сестру.

— Ты послал его купить женщин?

Расслышав удивление в голосе Кристен, Селиг мгновенно начал оправдываться:

— Не могу же я бежать к тебе каждый раз, когда нужно что-то сшить или приготовить обед, Кристен!

Но Кристен вовсе не удивилась. Рабство было распространено среди викингов, и как христиане, так и язычники не видели ничего необычного в том, что пленников, захваченных в бою и набегах, обращали в рабство. Ее семья всегда владела рабами, и отец часто покупал их на рынках и принимал в дар.

У мужа тоже были такие, в основном свободные люди, которые не могли заплатить выкуп за совершенные проступки и по саксонским законам в наказание попадали в неволю. А доля его многочисленных крепостных не очень отличалась от жизни рабов. Бренна, мать Селига и Кристен, тоже была захвачена в плен и подарена Гаррику, но впоследствии стала его женой, и ее судьбу повторила дочь — оставшаяся рабыней Ройса, пока ее родители не положили этому конец.

Но, по правде говоря, Ройс уже и без того решил жениться на девушке и совершенно не нуждался в таком странном «благословении», как разъяренный отец с сотней викингов, осадивших ворота замка, или в клинке Бренны, приставленном к его горлу.

— Конечно, тебе нужны женщины, чтобы вести дом, — согласилась Кристен. — Но ты должен был позволить мне выбрать их. Ивар привезет только самых хороших девушек и не подумает узнать, могут ли они шить и готовить, я его прекрасно знаю!

— Ты правда так думаешь?

Радостное волнение в голосе Селига заставило Ройса громко расхохотаться. Кристен с удовольствием швырнула бы что-нибудь потяжелее в голову брата, не держи тот на руках ее дочь.

— К твоим услугам и без того слишком много женщин! Не понимаю, как ты с ними справляешься! Боюсь, что скоро не будешь знать, что с ними делать, Селиг! И если собираешься платить за рабынь звонкой монетой, неплохо бы по крайней мере получить от них хорошую работу и хоть какое-то умение за собственные деньги!

Мужчины снова разразились хохотом, и Кристен, мрачно сдвинув брови, добавила:

— Кроме этого, разумеется.

— Будем надеяться, — еле выговорил сквозь смех Селиг, — что они мастерицы во всем, иначе я по-прежнему буду каждый день в твоём доме, сестра.

— С каких это пор ты стал таким разборчивым? — ехидно поинтересовалась Кристен.

Брат пожал плечами, одарив ее улыбкой, которая могла бы растопить даже каменное сердце:

— Ты слишком хорошо знаешь меня.

Тут он был прав: Кристен действительно прекрасно изучила Селига. Тот любил всех женщин, так же как они обожали его. Он не пользовался своим положением и не

10 ташил в постель рабыню только потому, что она во всем зависела от него и не могла отказать... Нет, за

каждой женщиной Селиг ухаживал, добиваясь ее, как за самой высокородной дамой. И Кристен не сомневалась, что купленные Иваром рабыни будут счастливы принадлежать Селигу.

— Когда ожидаешь возвращения Ивара? — спросила она.

— Он должен был зайти в Берку и Хедебю, так что вряд ли появится раньше чем через две недели, а может, и через месяц.

Кристен, конечно же, с удовольствием предложила бы брату, чтобы ее женщины приготовили пиршество, но понимала, что он предпочтет подождать, пока Ивар и другие викинги вернутся, чтобы вместе отпраздновать постройку нового дома. Семеро его товарищей, включая и лучшего друга Кристен Торольфа, решили остаться в Уэссексе, а остальные вернутся домой, в Норвегию, с Иваром, прежде чем зимние холода до следующего лета разлучат их с родиной.

Кристен вздохнула и оглянулась, замечая, сколько женщин, по-прежнему забыв о работе, не сводят глаз с Селига.

— Вижу теперь, когда тебе нечего делать, я ни от кого не добьюсь работы!

И, обернувшись к мужу, пошутила:

— Не можешь затеять какую-нибудь войну и отослать его туда?

— И ты бы прикончила меня, попробуй я намекнуть на нечто подобное, — фыркнул Ройс.

Да, такое более чем возможно. Как страдала Кристен, когда муж с братом отправились сражаться с датчанами! Она уже готова была признаться в этом, когда в зал вбежал один из людей Ройса:

— Приближаются пять всадников, милорд! — объявил он. — И судя по всему, один близок к смерти. Но у них королевский штандарт.

Кристен едва не застонала. Неужели она накликала беду и в Уэссексе вновь пришла война?

Глава 2

Но предчувствия Кристен не оправдались, и война им пока не угрожала. Оказалось, что король Алфред и его советники задумали новый план, чтобы укрепить уже существующий, хотя и хрупкий мир. Посольство из пяти человек, прибывших в Уиндхерст с запада, отправлялось ко двору короля Гатрума, чтобы выполнить поручение Алфреда. На них никто не нападал, но на беду один из послов в пути тяжело захворал и сейчас мучился от непонятных болей, а ноги отказывались его держать.

Кристен узнала, с каким делом отправились посланцы короля, только после того, как проследила, чтобы несчастного уложили в постель, и позвала лекарок, но, прежде чем успела вернуться к мужу, те сообщили, что больной скончался, так что они не успели ни помочь ему, ни узнать причину смерти.

Именно эту печальную новость она и была вынуждена сообщить вновь прибывшим, страшно огорченным гибелью спутника, и не потому, что так скорбели об усопшем, которого едва знали, а из-за провала всей миссии — теперь приходилось бесславно возвращаться домой. Все, кроме Ройса, предполагали, что король придет в бешенство. Ройс прекрасно знал Алфреда, был связан с ним многолетней дружбой и считал, что тот, несомненно, расстроится, узнав о неожиданной задержке, и успокоится лишь тогда, когда отыщет кого-нибудь, чтобы заменить умершего.

Задача не из легких, поскольку несчастный был толмачом* и должен был объясняться от имени епископа, главы посольства. Остальным троим было поручено его охранять: дорога проходила по незнакомым, часто пустынным землям, кишевшим ворами и грабителями. Умри епископ, и легче всего было послать вместо него

другого высокородного лорда или барона, но в королевстве Алфреда было не так много людей, говоривших на языке датчан, поэтому мирные переговоры грозили закончиться, еще не начавшись.

Селиг ждал, пока Ройс не объяснит ему, в чем беда: он не понимал ни единого слова из того, что говорили саксы.

В отличие от Кристен, с самого детства старавшейся узнать языки всех рабов, живших в доме отца, брат изучал только те языки, которые, по его мнению, могли пригодиться в торговых делах. Он легко понимал шведа или датчанина, финна и славянина, и, конечно, любой кельт принял бы Селига за своего, потому что с молоком матери он впитал знание их языка. Зато он совершенно не мог изъясняться с саксами, если собеседник, подобно Ройсу, не знал сразу кельтского и саксонского диалектов.

Селиг и не стремился изучать все языки, потому что не собирался совершать набеги на южные земли, как другие викинги, а хотел пойти по стопам отца, заняться торговлей и сколотить состояние. Тот единственный — неудачный — набег, когда сестра и друзья были захвачены в плен, был чем-то вроде попытки утолить юношескую жажду приключений, стремлением пожить в богатствами этой земли, прежде чем датчане окончательно покорили ее.

Конечно, волей-неволей придется заняться кельтским наречием, особенно теперь, когда Селиг решил поселиться в Уэссексе. Он старался выучить как можно больше слов, но, имея много дел помимо учебы, не очень-то далеко продвинулся. К тому же его наставницами, как правило, были женщины, а в постели, естественно, не до продолжительных бесед.

Когда Ройс вновь присоединился к компании, собравшейся у бочонка с элем, Кристен как раз вернулась, уложив детей. Они поужинали с гостями, но брат с сестрой не участвовали в беседе, состоявшей в основном из жалоб и сетований четверых посланцев.

Наполнив кружки мужчин элем, Кристен заговорила первая:

— Если я правильно поняла, король Алфред хочет приобрести союзников путем заключения браков между датчанами и саксами?

Ройс пожал плечами. В отличие от жены, он совершенно не удивился.

— В этом все дело. Три высокородных барона согласились пожертвовать ради крепкого мира своими прекрасными дочерьми и дать им богатое приданое.

Кристен пропустила мимо ушей упоминание о жертве, зная, что муж до сих пор не простил и не простит датчан за бойню, которую те устроили в Уиндхерсте одиннадцать лет назад.

— И в это приданое входят земли?

— Да.

— Боже милостивый, Ройс! — не веря ушам своим, воскликнула Кристен. — Твой король и его братья все эти годы сражались за то, чтобы не дать алчным датчанам захватить Уэссекс, а теперь собираются выделить им поместья?

— Его рассуждения просты, — пояснил Ройс. — Лучше эти владения, чем весь Уэссекс, ведь датчане опять тянут загибающие руки к здешним местам. По крайней мере сейчас нам известно, что не менее половины армии Гатрума так же устали от битв, как и мы, и не хотят ничего больше, кроме как осесть на уже захваченных землях. Последнюю же войну начала другая половина, в основном молодые люди, которые не успели разбогатеть. И едва не выиграли ее.

Датчане уже считали себя победителями, особенно после того, как решили, что Алфред погиб. Они сумели укрепиться в Чиппенхеме и начать грабить и жечь земли и поместья по всей округе.

Ройс впервые отправился на войну в 876 году, когда Алфред собрал армию, чтобы изгнать датчан

14 из Уэрхема, а потом в 877 сражался в битве при

Экзетере. Но когда в том же году войска по существующему обычаю были распущены на зиму, датчане застали врасплох Алфреда и его придворных в Чиппенхеме, где они наслаждались долгожданной передышкой, и королю с семьей едва удалось бежать.

Немногочисленные защитники короля были разбиты, датчане предали мирные поселения огню и мечу, а по стране распространился слух, что король мертв. Но Алфред выжил и уцелел, укрывшись со своим маленьким отрядом в болотах Сомерсета, и, построив там небольшую крепость, совершал оттуда постоянные набеги на датчан, расстраивая их планы.

Прошлой весной Ройсу передали, где можно встретиться с Алфредом. Он поспешил в Эгбraitестен и именно там вместе с Селигом и своими людьми вступил в последнее кровавое сражение. Войско короля Алфреда встретило датскую армию у Этандуна и, обратив ее в бегство, преследовало до самой их твердыни. Последовала долгая осада ее, пока наконец воюющие стороны не договорились о мире. Правда, никто не верил, что это перемирие продлится долго, особенно потому, что датчане в прошлом так часто нарушали данные ими клятвы.

Конечно, на этот раз все было немного по-другому, поскольку датский король Гатрум и тридцать его военачальников изъявили желание принять христианскую веру. После того как обо всем было договорено, Гатрум отвел остатки своей армии в Чиппенхем и в этом году вернулся в Восточную Англию, где, если верить слухам, датчане наконец решили осесть в давно покоренных ими землях. Но многие еще хорошо помнили прошлое и продолжали сомневаться в том, что на их землю надолго пришла безмятежная жизнь. Однако были и такие, кто надеялся на это, ведь Алфреду впервые не пришлось платить датчанам подати, чтобы заставить их покинуть Уэссекс. Вместо этого король потребовал прислать ему за-
ложников из новоокрещенных викингов. Кроме